

Я привык просыпаться до рассвета, чтобы идти на работу, и сегодняшний день не стал исключением. Я отключил телефон, чтобы сэкономить заряд батареи, поэтому будильник не сработал, я просто проснулся в обычное время сам по себе.

Я уставился в потолок в почти полной темноте. Здесь было так тихо. Не было ни гула кондиционера, ни гула электричества, которого никогда не осознаешь до тех пор, пока его не отключат, ни свечения уличного фонаря за окном. Ни светящихся светодиодов от полудюжины электронных приборов, сдерживающих темноту. Ни проезжающих мимо машин. Нет соседа-задрота, который косит свой газон в шесть утра, потому что он бумер, которому больше нечем заняться, кроме как проводить каждый день в уходе за газоном, попивая свой Monster без сахара и натирая воском свой Корвет. Я ненавижу этого парня.

Тут даже пахло по-другому. В этой комнате пахло состаренным деревом, чистой шерстью и дымным ароматом, который, как я предполагал, являлся результатом регулярного использования свечей в ночное время.

Это не дом.

События вчерашнего дня нахлынули на меня, и я вдруг почувствовал ужасную, ужасную тоску по дому. Иронично, не правда ли. Я тусовался в месте для людей, которые чувствовали себя не в своей тарелке, которые тосковали по месту, которого никогда даже не существовало... и теперь, когда я исполнил свое желание, я хочу вернуться туда, где я был.

Теперь я застрял в совершенно другом мире. Чужая культура. Я никогда не смогу вернуться назад. Я не вписывался там, где родился и вырос, как же я смогу вписаться здесь?

О. Точно. Я теперь еще и рабовладелец. Мой первый день в другом мире, и я купил девушку. И как бы я ни оправдывал это, что мне нужно было найти союзника, кого-то, кто научит меня этому месту, но не сможет предать меня, это просто отговорка — я увидел красивую девушку, и я мог получить ее, независимо от того, хочет она меня или нет, поэтому я купил ее.

Я повернул голову, чтобы посмотреть на нее, но все, что я увидел, — это расплывчатый сгусток темной черноты во тьме. Раздался шорох, и форма пятна стала все тоньше и выше.

Я вытащил из кармана брюк свой Zipro, щелкнул ею, на что Лиска моргнула и попыталась заслонить глаза от неожиданного света. О, она поняла, что я не сплю, когда я попытался посмотреть на нее, и села. Я зажёл свечу и захлопнул крышку своей Zipro, затем положил голову обратно на подушку. Я посмотрел на часы — светящиеся стрелки показывали 5:52.

Ух. Я не хочу вставать. У меня сегодня нет работы. У меня вообще нет работы, если уж на то пошло. Так что мне не нужно вставать. Я накрыл глаза рукой, чтобы заслонить свет свечи, и думал о том, как снова заснуть. У меня нет причин вставать.

Да. Я должен заботиться о Лиске. Она теперь моя, и я за нее отвечаю. Если я не встану, она не

позавтракает, пока я не встану, а одному Богу известно, как она голодна. Судя по тому, как она ела прошлой ночью, я уверен, что работорговец кормил ее недостаточно. В моем рюкзаке есть еда, но она не поймет, как ее приготовить.

Как хозяин домашнего животного, который вдруг осознал, что ему нужно делать все дополнительные вещи, чтобы ухаживать за своей новой собакой, я нехотя перекатился в сидячее положение на краю кровати и взял со стула свои штаны. Пока я их натягивал, Лиска приковыляла ко мне на коленях, вместо того чтобы встать, и протянула мне носки. Я надел их, затем взял ботинки, она подняла и их тоже и помогла мне обуться. Я закончил их зашнуровывать, а затем в знак благодарности погладил ее по голове.

— Может, поедим?

Она быстро приняла стоячее положение и стала ждать у двери. Я почти вышел без нее, но потом вспомнил про поводок. Черт возьми, неужели я должен вести девушку на поводке, как будто она мой питомец? Единственные рабыни, которых я видел на людях без поводка, были те, которые гуляли сами по себе, вероятно, выполняя поручения. Пока я не получу лучшего представления о том, что здесь нормально, думаю, мне лучше использовать это.

Я взял со стола поводок и пристегнул его к ошейнику Лиски, затем вывел ее в коридор и закрыл за собой дверь. Черт, я оставил свечу зажженной. Ну, я уверен, что все будет в порядке. Мы спустились вниз, где я обнаружил темную люстру, но горящие фонари на бра, и трактирщика за стойкой, складывающего и раскладывающего то, что кажется салфетками или мочалками.

— Доброе утро, милорд! Будете ли вы завтракать с нами сегодня?

— Да. Для нас обоих, пожалуйста.

— Конечно, милорд.

Он на мгновение скрылся в подсобке, потом вернулся и продолжил складывать салфетки. Я снова сел за маленький столик в углу, повесил поводок Лиски на крючок, и она села рядом со мной на пол в стиле «вариза»¹.

Рабыня трактирщика вышла из кухни с подносом и поставила на него две миски с овсянкой и пару кружек. Я протянул ей серебряную монету, которой, похоже, хватит, чтобы покрыть расходы, и она передала ее трактирщику, возвращаясь на кухню.

Я начал есть, но потом прекратил, когда увидел, что Лиска не двигается. Неужели мне каждый раз нужно давать ей разрешение?

— С этого момента, если я начинаю есть, ты можешь считать, что ты тоже можешь есть.

— Да, хозяин.

Я еще не успел доесть свою порцию овсянки, а её тарелка уже начищена до блеска, а кружка пуста. Я отпил из своей кружки и чуть не сплюнул: это молоко. Теплое молоко. И оно странное на вкус. Вероятно, оно свежее, от коровы, и почти наверняка непастеризованное. Я осторожно сделал еще один глоток, мне не понравилось то, что я почувствовал. Я отодвинул кружку к Лиске и продолжил есть свою овсянку.

После удивленного взгляда и секундного колебания она выпила мою кружку молока так, будто это была последняя кружка в ее жизни, поставила кружку на место и положила руки на колени, терпеливо ожидая, пока я закончу есть. Думаю, она может позволить себе быть терпеливой — у нее впереди напряженный день, она рабыня и все такое.

На самом деле, у нее действительно будет напряженный день, просто, наверное, не такой, как она ожидает. Закончив есть, я взял Лиску за поводок, и она вскочила на ноги. Мы вернулись наверх и пошли в комнату.

Когда я открыл деревянные ставни, в комнату ворвался прохладный утренний воздух, а за зданиями на противоположной стороне улицы тускло начало виднеться солнце.

— Иди сюда.

Она сразу же подбежала ко мне, поджав хвост.

— Сядь на стул.

В ее послушании не было задержки, но было определенное колебание, как будто она не уверена в том, что делает.

— Покажи мне свои ноги.

— Хозяин?

— Вперёд,

Она подняла одну ногу, после чего я схватил ее за лодыжку, поднося ногу к свету, чтобы лучше рассмотреть. Подошвы ее ног черные от грязи. Я сравнил размер ее ступни со своей рукой — у нее такие маленькие, изящные ступни. Я не один из тех чудаков, которых можно найти в Интернете с фут-фетишем, но ее ступни довольно милые. Как и все остальное в ней.

Ей определенно нужна обувь. Но чтобы получить подходящую обувь, ее нужно подогнать, а для этого мне снова придется таскать ее по улицам в босоножках. Если бы я был босиком, хотел бы

я ходить по неудобным камням и грязи или ждать дома, пока кто-нибудь принесет мне обувь? Я бы подождал. Я бы точно подождал. Если я куплю ей пару сандалий, будет не так важно, подходят они ей или нет, и она сможет носить их, пока я буду покупать ей подходящую одежду и обувь. Да, это хорошая идея. Я куплю ей сандалии, чтобы я мог брать ее с собой в общественные места, не причиняя вреда ее нежным ножкам, и мы все исправим.

Отпустив ее ногу, я встал, и она тоже быстро поднялась.

— Я выйду ненадолго. Ты будешь ждать здесь.

— Да, хозяин.

Могу ли я действительно оставить ее одну? Что если она убежит, пока меня не будет? Или начнет рыться в моих вещах? Она не имеет понятия о половине того, что там лежит, а некоторые из вещей опасны, например, пистолет. Я не думаю, что она застрелит меня, но она может случайно пораниться. Я не знаю, насколько я должен ей доверять — если бы я был рабом, я бы при первой же возможности ударил в спину ублюдка, который меня купил, и убежал. Возможно, иметь рабыню в качестве союзника — не такая уж хорошая идея.

Ну, я не знаю, могу ли я доверять ей или нет, и не хочу, чтобы с ней что-нибудь случилось. Я взял со стола матерчатый ограничитель, и, сразу поняв мое намерение, она повернулась ко мне спиной и завела руки за спину, чтобы я мог связать ей руки. Мне потребовалась минута, чтобы осознать, как он работает, но в конце концов я понял. Затем я прикрепил ее поводок к одному из крючков у двери, и она села на пол, видимо, смирившись с тем, что ей придется беспомощно ждать моего возвращения.

Я не такой уж плохой парень. Вот увидишь. Сегодня все дело в тебе, ты просто еще не знаешь об этом. Но, возможно, мне стоит показать ей свои намерения.

Достав из рюкзака металлическую жестянку, я достал из нее что-то ценное и съел перед ней. Затем я протянул ей кусочек. Она поколебалась, затем взяла его в рот и начала жевать. Хнннг! Я кормлю девочку с руки.

Ее глаза расширились от удивления, а я удовлетворенно улыбнулся. Она никогда раньше не пробовала шоколад Scho-Ka-Kola. Да и вообще шоколада, судя по ее реакции. Я положил жестянку обратно в рюкзак, погладил ее по голове и сказал:

— Я вернусь.

На этот раз я не забыл задуть свечу перед тем, как выйти из комнаты. В окно проникало достаточно света, чтобы она могла видеть, так что это не значит, что я просто оставил ее сидеть в темноте.

Спустившись вниз, я спросил у трактирщика, где можно помыться.

— Ну, в нескольких кварталах отсюда есть баня, но она открыта только днем, и вход в нее платный. Если вы просто хотите привести себя в порядок, я могу предоставить ведро горячей воды и несколько полотенец для мытья и отправить их в вашу комнату.

— Сколько времени это займет?

Он пожал плечами.

— Может быть, полчаса? Мне нужно будет снова разжечь огонь, чтобы нагреть воду, но полотенца и мочалки уже готовы.

— Хорошо, я должен вернуться до этого. Сколько?

— Полтарла.

Тарл — это одна из серебряных монет, верно? Я достал из кармана одну из мелких монет и протянул ему, а он вернул мне несколько медных монет. Или, может быть, бронзовых? Цвет был странным.

О, я вот о чем подумал: я обычно обхожусь одним полотенцем, но моя мама и сестра всегда заворачивали свои волосы в другое полотенце — наверное, длинные волосы труднее сушить. Лиска, наверное, могла бы использовать еще одно полотенце для сушки волос. И у нее также есть хвост, и он довольно пушистый, насколько я видел...

— Не могли бы вы положить пару дополнительных полотенец, пожалуйста?

— Конечно, милорд. Я попрошу принести его вам после вашего возвращения.

— Спасибо, — сказал я, выходя на улицу.

Я иду туда, где, как мне кажется, был сапожник. Хммм, нет, это... магазин игрушек? У них были куклы всех видов: тряпичные, фарфоровые, деревянные и другие. Был набор раскрашенных свинцовых солдатиков, с луками, копьями и мечами. Странно — я не видел ни одного с огнестрельным оружием. Тридцатилетняя война была одной из первых крупных войн, в которой огнестрельное оружие широко использовалось всеми сторонами конфликта. Возможно, эти свинцовые солдатики представляли более раннюю эпоху. Или все те, у кого было оружие, были проданы. Или у них просто нет оружия в данный момент.

Я уже повернулся, чтобы выйти из магазина, когда заметил что-то на полке у двери. Это была мягкая игрушка, точнее, поросёнок. Он был темно-розового, почти фиолетового цвета и как бы

сидел. У него было величественное лицо и осанка, как будто он должен носить шляпу с моноклем и зваться мистер Пигглсворт. Единственная неуместная вещь в его внешности — это то, что нарисованные фарфоровые глаза заставляли его смотреть так, как будто он глядел на километр вдаль.

Мистер Пигглсворт видел всякое дерьмо.

Если не считать посттравматического расстройства, то, честно говоря, он напоминает мне мягкую игрушку, которая была у меня в детстве. Я взял ее в руки и осмотрел — какая бы ни была набивка, она высокого качества. Не опилки, это точно. Он мягкий.

Интересно, понравится ли это Лиске? Девочки любят кукол и мягкие игрушки, верно? Конечно, ей уже пятнадцать, но что поделать. Моя сестра перестала играть с Барби, когда ей было двенадцать, но ее комната была заставлена мягкими игрушками, пока ей не исполнилось восемнадцать и она не переехала, чтобы сделать первое в кажущейся бесконечной серии ужасных жизненных решений.

Уверен, Лиске это понравится.

Два серебряных тарла, мне кажется, это дороговато, но качество было довольно неплохое. В любом случае, это, вероятно, хороший район города, где делают покупки более состоятельные люди.

Я вышел обратно на улицу, на утреннее солнце, с набитой свиньей в руках (сумки для покупок здесь не в почете, видимо) и огляделся вокруг, но нигде не увидел сапожника, которого видел вчера. Хм. Может быть, я могу спросить дорогу?

— Извините!

Я обратился к ближайшему человеку еще до того, как осознал, как тот выглядит, и почти сразу же пожалел об этом.

Это девушка-кошка. Девушка-кошка топлесс. Она была одета в очень короткую юбку, сандалии на шнуровке, рабский ошейник, и больше ничего. Она замерла на месте, хвост завилял, а уши разлетелись в стороны, когда она неуверенно взглянула на меня.

Отлично. Это неловко.

— А где здесь ближайший сапожник?

Девушка-кошка показала на пару зданий, затем отступила на пару шагов, повернулась и продолжила выполнять поручение, с пустым мешком в руках. Похоже, ей было не по себе, когда кто-то неожиданно вступил с ней в разговор. Может, люди не должны разговаривать с

чужими рабами? Или это потому, что ее грудь выставлена на всеобщее обозрение, и какой-то незнакомый парень позвал ее?

Неважно. Я пошел в том направлении, куда она указала, и нашёл сапожника, которого видел вчера.

Зайдя внутрь, я увидел разнообразную обувь, некоторые экземпляры выглядели более современно, чем я ожидал, но все ботинки и туфли были правыми. А, точно. Поскольку вся обувь сделана вручную, они просто не производят стандартизированные размеры в массовых количествах и дают вам примерить их, чтобы найти подходящую пару, они измеряют ваши ноги и делают обувь на заказ. Модели на витринах просто позволяют выбрать нужный стиль.

Здесь продаются какие-то вещи, похожие на мокасины, и сандалии в стиле шлепанцев. Я сравнил пару пар сандалий со своей рукой так же, как я измерял ноги Лиски, и нашёл несколько сандалий, которые должны быть примерно нужного размера. Они были на удивление дешёвые, так что их покупка смела весь мой запас медных монет, которые я получил в качестве сдачи ранее.

Я вернулся с новыми покупками в руках, решив, что в следующий раз, когда я пойду за покупками, мне придется взять с собой что-нибудь для переноски вещей. Возможно, именно поэтому у девушки-кошки был с собой мешок: она ходила за покупками для своего хозяина.

Когда я вошёл в трактир, все еще не привыкший к веревке, которой здесь открывают двери, трактирщик взглянул на меня с того места, где он убирал со стола мокрой тряпкой.

— Ах, как вовремя! Вода хорошая и горячая. Я сейчас же отправлю ее в вашу комнату.

— Спасибо.

— Не за что, милорд.

Я подошёл к комнате, отпёр дверь, дернул за веревку и вошёл внутрь. Что делать, если какой-нибудь шутник просунет веревку через отверстие, и она окажется внутри комнаты, или веревка порвется, когда вы потянете за нее? Как открыть дверь?

Лиска стояла на коленях у двери. Я бросил свои покупки на кровать и жестом попросил ее встать, чтобы я мог снять с нее ограничители. Пока я работал над снятием матерчатых ограничителей, она сказала:

— Трактирная рабыня пришла опорожнить ведро, но я сказала ей, что у меня нет разрешения открывать дверь.

Не то чтобы она могла это сделать, поскольку я запер её и забрал ключ с собой, а ее руки были

связаны за спиной, но я уверен, что она не объяснила всего этого.

Когда я снял с нее поводок, я заметил неловкое выражение на лице Лиски.

— Что это?

— М... могу ли я облегчиться, хозяин?

— С этого момента тебе не нужно разрешение, чтобы сходить в туалет. Когда тебе нужно, просто сделай это.

— Спасибо, хозяин.

Она проскользнула в ванную и вышла как раз в тот момент, когда раздался стук в дверь. Я открыл, и там оказалась рабыня, работающая в гостинице, с ведром воды в руках и свежими полотенцами, перекинутыми через плечо. Я двинулся, чтобы взять у нее ведро, но Лиска первой подбежала и взяла его. Ах. В конце концов, она рабыня, так что, думаю, ожидается, что она будет делать такие вещи вместо своего хозяина. Трактирная рабыня слегка поклонилась мне, передавая полотенца Лиске, затем взяла пустое ведро из коридора и вошла в ванную, поменяла его на старое и вышла с ним из комнаты, ни разу не сказав ни слова за все время своего пребывания здесь.

— Мне поставить это в ванную, хозяин?

— Да, спасибо.

Пока Лиска возилась с ведром (неужели оно такое тяжелое?), я залез рюкзак, достал свой набор туалетных принадлежностей, открыл пластиковый пакет на молнии и извлёк бутылку шампуня, брусок мыла из сосновой смолы и расческу. Обычно я не беру в поход такие вещи, за исключением, может быть, бруска мыла, но поскольку я собирался взять с собой племянника, я расположился в кемпинге для неженков, где есть ваннные комнаты и душ. Потому что современные городские жители — слабаки. Половина из них, вероятно, умрет в лесу, бродя в поисках дерева, к которому можно подключить зарядное устройство для телефона.

Я взял свечу и отнёс ее в ванную, удивляя Лиску, которая теперь видела, что я загородил единственный выход. Я вытащил маленький табурет под умывальником в центр пола, а затем сел на скамейку с дыркой, которая служит туалетом.

— Садись — сказал я, указывая на табурет.

Неловко и явно не понимая, что я делаю, Лиска подчинилась.

— Нет, садись ко мне спиной.

Она послушно повернулась лицом к открытой двери, которая в настоящее время являлась единственным источником света. Я достал свою Zippo, и она с любопытством взглянула на с лязгом открывающуюся зажигалку, видимо, очарованная тем, что я могу разжечь огонь одним движением большого пальца. Вероятно, здесь для разжигания огня используют камень и кресало. Я зажег свечу, поставил ту на полку рядом с умывальником, закрыл зажигалку и засунул ее обратно в карман.

— Хорошо, тогда давай приведем тебя в порядок.

Лиска, явно испуганная, открыла рот, а потом закрыла.

— Руки вверх, снимай шкуру с кролика, — сказал я, повторяя фразу, которую говорили мои родители, когда помогали мне снять рубашку в детстве. Лиска, смущенная, нерешительно подняла руки, и я стащил ее испачканную тунику через голову. Ее первоначальная реакция — попытаться прикрыть грудь, но она подавила её, вместо этого очень сознательно положила руки на бедра. Теперь она дрожала и кусала губы.

Не надо бояться, лисиска. Хозяин просто вычистит тебя до блеска.

— Давайте начнем с твоих волос.

— Хозяин собирается мыть Лиску?

— Ага.

— Но... но хозяин — это владелец Лиски, а Лиска — рабыня!

— Верно. Но я хочу сделать тебя красивой и чистой.

Лицо ее покраснело, Лиска тихо ответила:

— Я сама могу искупаться...

Я бросил на нее насмешливый строгий взгляд, который она могла принять за настоящий, и торжественно произнес:

— Твой хозяин хочет сам тебя почистить.

— ...Да, хозяин.

— Итак, давай начнем с твоих волос.

Вместе мы тщательно намочили ее волосы в горячей воде, и я использовал дополнительный шампунь. Кажется, ее немного смущала пена, но я тщательно нанес шампунь на ее волосы, не забывая намылить и уши. Шампунь имел мужественный запах леса, как у мыла с сосновой смолой, но вымыть ее было важнее, чем заставить ее пахнуть по-девчачьи. Чтобы смыть весь шампунь с ее волос, потребовалось удивительно много воды из ведра. Затем я начал расчесывать ее волосы, заставив ее вздрогнуть один или два раза в те моменты, когда я случайно потянул ее за волосы, пытаюсь распутать все завитки и колтуны, но в конце концов все было сделано. Затем я намылил ее во второй раз, втёр шампунь в волосы и снова ополоснул, чтобы убедиться, что волосы чистые.

— Дальше — твой хвост.

Щеки Лиски слегка покраснела, но она переместилась на табурет, чтобы представить мне свой зад, и я начал тот же процесс очистки, что и с ее волосами. Ее хвост имел длину около полуметра, он довольно костлявый, с удивительным количеством меха на нем. Даже в мокром виде видно, что мех на хвосте и ушах отличается по цвету от волос на коже головы — мех скорее лисьего оранжевого цвета, а волосы — более естественного ярко-рыжего оттенка. Они хорошо сочетались друг с другом. Она вскрикнула один раз, когда моя расческа застряла в особенно неприятном узле шерсти, но не протестовала. Я помыл шампунем ее хвост всего один раз, и теперь, когда он намок, он висел вялый и сморщенный.

Теперь самое интересное. Я опустил тряпку в горячую воду, которая уже немного остыла, но еще оставалась довольно теплая, и начал мыть ей спину. Лиска явно не делала ничего грязного, вроде рытья траншеи под открытым небом или другой грязной работы, подобной той, что я делал регулярно, но она все равно накопила внушительное количество грязи просто от того, что не мылась в течение длительного времени. Я обязательно тщательно должен вытереть ей спину.

Затем я перешёл к ее плечам — она напряглась на мгновение, затем слегка расслабилась, когда я вытер одну руку, вплоть до кончиков ее мягких, нежных пальцев, затем другую. Затем она снова напряглась и покраснела до впечатляющего оттенка, ее хвост стал торчать прямо позади нее, когда я начал вытирать ее груди влажной тряпкой.

Хннинг! Они прекрасны. Я не мог их видеть, так как она стояла ко мне спиной, но они были идеального размера, небольшие, под размер руки, с маленькими сосками. Упругие и стройные. Я тщательно вымыл ее спину и руки, намылил их и ополоснул, но еще тщательнее я вымыл ее груди. Дважды. Затем я перешёл к ее животу, попе, бедрам и, наконец, промежности.

Лиска зажмурила глаза, ее руки сжали бедра, пока я намыливал брусок мыла в своей руке и тёр ее промежность голый рукой. Она... очень гладкая, на самом деле. Я не нашел на ней даже следов волос на теле.

Поскольку ей определенно было некомфортно, я уступил и помыл ее интимные места только

один раз. Затем я заставил ее повернуться на бок и помыл ноги по всей длине, тщательно вытирая подошвы ног и межпальцевые промежутки. Вода в ведре начала приобретать черный оттенок от всей грязи и копоти, которую накопили ее босые ноги, гуляя по улицам.

Теперь, когда моя очаровательная лисичка стала чиста до скрипа, я завернул ее в одно полотенце и начал энергично сушить ее волосы и хвост другим. Возможно, мои мама и сестра в чем-то правы, потому что для такого количества шерсти действительно нужно отдельное полотенце. Когда я немного подтолкнул ее, Лиска сама стала вытирать свое тело, пока я снова расчесывал ее волосы и хвост.

— Ну вот, все готово!

Я помог ей подняться с табурета и вывел ее за руку из ванной, а затем взял свое маленькое зеркальце, которое старик пытался украсть из моего набора туалетных принадлежностей.

— Вот, посмотри. Намного лучше, ты не находишь?

Лиска взяла у меня зеркало и сильно удивилась.

— Я никогда раньше не пользовалась зеркалом!

Она на мгновение отвлеклась от своего смущения, и я воспользовался возможностью впервые хорошо рассмотреть ее обнаженное тело при свете, пока она рассматривала себя в зеркале и трогала свое лицо.

Стройная, невысокая, с изящным телосложением. Бледная кожа, может быть, это потому, что она рыжая, а возможно, потому что большую часть времени она проводит в помещении, ярко-розовые соски. Мои глаза подтверждали то, о чем сообщила моя рука — кроме хвоста и головы, на ее теле не было ни единого волоска. Интересно, это должно понравиться потенциальным покупателям или это гигиенический момент — если последнее, то зачем разрешать ей бриться, но не мыться? Ее хвост теперь стал гораздо пушистее, он возбужденно дергался, пока она играла с маленьким зеркальцем. Кончик хвоста был черным, как и кончики ушей — раньше она была такая грязная и чумазая, что трудно было понять, что кончики отличаются по цвету от остальной шерсти.

Я забрал у нее зеркало и погладил по волосам, заставив ее снова покраснеть, когда она вспомнила, что стоит голая перед незнакомым мужчиной.

Я сел на край кровати, а затем погладил свои колени.

— Давай. Садись сюда.

Она сразу же подчинилась, но снова очень напряглась. Я нежно обнял ее за талию, отчасти

чтобы успокоить, отчасти чтобы она не пыталась убежать, а другой рукой нежно стал гладить ее волосы. Ее волосы пахли сандалом и мятой. Гораздо приятнее, чем старый пот.

— Итак. Думаю, пришло время обсудить, почему я купил тебя.

Она не отвечала, видимо, позволяя мне вести разговор.

— Я родом из очень, очень далекого места. Я никогда не был в этой стране, и я ничего не знаю об этой стране, ее людях и обычаях. Я купил тебя, чтобы у меня был кто-то, кто мог бы научить меня этой стране. Я должен узнать о ней, потому что я могу остаться здесь на очень долгое время.

Она по-прежнему не отвечала. Я перешёл от поглаживания ее шерсти к почесыванию ушей, заставив ее дергать ими. Она сжала кончик хвоста. О. Точно. Голая. И сидит у меня на коленях. Вероятно, сейчас она чувствует себя немного жутко. Я полез в рюкзак и достал запасную футболку.

— Руки вверх.

Она подчинилась, и я натянул футболку через голову и руки, затем стянул ее до талии. Она была велика ей, свободнее, чем туника, но примерно такой же длины, если исключить дополнительный кусок, пришитый к низу.

Теперь, когда между ее телом и мной был слой ткани, возможно, она будет чувствовать себя немного комфортнее. Я продолжил попеременно гладить ее волосы и чесать уши.

— Я понимаю, что ты не закончила обучение на наставницу, но ты все равно знаешь об этом месте больше, чем я. Ты ведь здесь родилась, верно?

Она кивнула, все еще чувствуя себя неловко, но теперь, когда на ней была футболка, она чувствовала себя немного спокойнее.

— Хорошо. Умеешь ли ты читать и писать?

Она снова кивнула. Я начал чесать одно ухо чуть сильнее, и у нее появилось странное выражение лица, затем ее левая нога начала спазмировать, а маленькая пятка отскочила от моей голени. Это так чертовски мило! Она снова покраснела, но я усилил почесывание за ухом, и ее нога стала неконтролируемо дергаться, а ее лицо сменилось на выражение изумленного удовольствия. Ах-ха! Слабость обнаружена. Моей маленькой лисичке нравится, когда ей чешут уши, даже если это заставляет ее дергать ногой, как собака. Через мгновение я сдался и вернулся к нежному поглаживанию ее волос.

— Ты очень важна для меня, Лиска. Поэтому я должен кое-что прояснить — в моем рюкзаке

есть вещи, которые ты не поймешь. Некоторые из них очень легко сломать, и я очень расстроюсь, если ты их случайно разобьешь. Некоторые вещи там могут причинить тебе боль. Плохо. Я еще больше расстроюсь, если ты поранишься. Так что не лезь в мой рюкзак, поняла?

Она кивнула, выражение ее лица давало понять, что она понимает, что к этому нельзя относиться легкомысленно.

Я потянулся в карман пиджака и достал что-то, чтобы показать ей — это мой старый Zune.

— Видишь это? Ты знаешь, что это?

Она покачала головой — она также вела себя очень осторожно и не прикасалась к нему.

Я вставил наушники в ее уши — они не очень хорошо сидели, поскольку у нее лисьи уши, а не человеческие, так что в итоге я просто держал один рукой, а второй болтался внизу. Затем я включил Zune. Хммм... Наверняка ей понравится Канон Пахельбеля в ре мажоре

Ее лицо озарилось чистым изумлением, когда музыка волшебным образом начала играть в ее ухе. Я повёл ее руку вверх, чтобы удерживать наушник в ухе, затем вставил другой, и она стала удерживать его на месте без подсказки. На ее лице было выражение чистого, беспредельного восторга.

— Что... это музыка! Как?..

— Это одна из тех вещей, о которых я говорил, что ты не поймешь. Глядя на него, ты не можешь понять, что он делает, не так ли?

Она покачала головой, все еще удивленная, прижимая наушники к своим пушистым лисьим ушам.

— Тебе нравится?

Она энергично кивнула, выражение чистой радости все еще оставалось на ее лице.

Я пролистал меню и решил поэкспериментировать — действительно ли она говорит по-английски, а они здесь просто называют его хратчанским, или здесь происходит какой-то магический эффект перевода?

My Sharona начала стучать в уши.

— Ты можешь понять, что они поют?

Она покачала головой.

— Я никогда раньше не слышала такой музыки!

Хммм... Я переключился на Veteran of the Psychic Wars.

— Можешь ли ты понять, что они говорят?

Она снова покачала головой.

— Это похоже на варваров.

— Что?

— Бар-бар-бар-бар, — сказала она.

О. Она говорит, что для нее это звучит как тарабарщина. Слово «варвар» происходит от уничижительного термина, придуманного древними греками для иностранцев; любой, кто не говорил на цивилизованном языке, таком как греческий, мог просто ходить и говорить что-то вроде «бар-бар-бар», насколько кто-либо мог их понять. Я думаю, они также придумали шутку: «Если бы этим варварам не нравилось, что мы убиваем их и поджигаем их деревни, они бы просто сказали об этом, а не кричали на нас этими глупыми звуками». Древние греки, возможно, положили начало западной цивилизации и таким понятиям, как демократия, философия и алгебра, но если вы почитаете древнегреческую историю и мифологию, они провели ужасно много времени, будучи полными мудаками. И думали, что это уморительно.

Я выключил Zune и забрал у нее наушники, бросив их в рюкзак вместе с остальным снаряжением.

— Тебе понравилось?

Она энергично кивнула.

Аккумулятор был совершенно новым и полностью заряженным, так что стоит давать ей послушать его время от времени. Кроме того, у меня было небольшое солнечное зарядное устройство — чтобы зарядить Zune или мой телефон, потребуется целый день, но это можно сделать. У меня также есть полностью заряженный банк питания и адаптеры, которые, в свою очередь, также могут заряжаться от солнечного зарядного устройства, так что я могу поддерживать работу своих электронных гаджетов в течение длительного времени. Я действительно взял с собой банк питания и солнечное зарядное устройство только на случай крайней необходимости, поскольку собирался провести в лесу всего три дня, но теперь я очень рад, что сделал это.

— Ну, если ты будешь хорошей девочкой, ты сможешь послушать его еще немного позже. Но сейчас у меня есть кое-что для тебя.

Я сбросил ее со своих колен, и она встала там, неуверенно глядя на меня. Я вручил ей пару сандалий и сказал, чтобы она их примерила. Они сидели вполне сносно.

— Спасибо, хозяин! Я буду хорошо о них заботиться.

— Я рад, что они тебе нравятся, — сказал я, поглаживая ее по голове. — Позже мы купим тебе настоящую обувь и новую одежду.

— О, вы не должны этого делать, хозяин! — ответила она с тревогой.

— Ерунда. Теперь ты принадлежишь мне, поэтому я несу за тебя ответственность. Теперь ты на моем попечении.

— Д-да, хозяин, — сказала она, ее уши немного раздвинулись в стороны, и она снова стала выглядеть неловко.

Взглянув на часы, я увидел, что уже почти полдень. Неужели? Я потратил так много времени на то, чтобы позавтракать, купить сандалии для моей привлекательной рабыни, искупать ее и впечатлить технологиями из будущего?

— Ты голодна?

Она кивнула

— Тогда принеси мне свой поводок.

Она подчинилась, я пристегнул поводок к ее ошейнику и вывел ее в коридор, закрыв за собой дверь.

Проклятье. Все это время свеча оставалась зажженной в ванной. Я отпёр дверь и вернулся внутрь, чтобы погасить свечу, которая уже сильно прогорела, затем повел Лиску обратно в коридор, снова запер дверь и спустился вниз.

Обед состоял из жареной курицы комнатной температуры, черного хлеба и какого-то овоща, который, как я подозреваю, являлся разновидностью репы. Мне он не понравился, поэтому я положил свой на тарелку Лиски, и она с энтузиазмом слопала его. И снова она закончила есть еще до того, как я доел половину своей порции. Неужели они действительно так плохо кормят рабов?

Вернувшись наверх, я сел на кровать, а Лиска встала на колени на полу. Честно говоря, у меня не было никакого реального плана на сегодня, кроме купания Лиски, и так как у меня нет никаких дел, чтобы занять мою рабыню, ей тоже сейчас нечем заняться.

К черту все. Давайте сделаем то, что делает каждую девушку счастливой, и отправимся за покупками.

Я встал, и Лиска снова вскочила на ноги. Я взял со стола ее поводок, и она снова надела сандалии в предвкушении прогулки.

Выйдя на улицу, я направился в сторону магазинов, которые посетил ранее. Мы встретили несколько странных взглядов, я не уверен, это больше из-за моей необычной одежды или из-за Лиски, передвигающейся в футболке, длина которой едва достаточна, чтобы сохранить ее скромность, когда она не поднимает руки над головой. Когда я оглянулся назад, я увидел, что она идет с хвостом, зажатым между ног. Это должно быть неудобно. Пытается ли она так прикрыть свои интимные места или спрятать хвост? Она пришила дополнительную длину к своей тунике и сделала шляпу, которая скрывает ее уши. Дискриминируются ли здесь люди-животные, или как их там называют? Издевались ли над ней за то, что она девушка-лиса? Или мне не хватает какой-то культуры?

Мы зашли в магазин одежды, и я сказал женщине, работающей там и не являющейся рабыней, что мне нужен подходящий комплект одежды для Лиски. Она отвела Лиску в сторону и сняла с нее мерки, а затем спросила, какую одежду я хочу.

— Что-нибудь милое, — сказал я. Она посмотрела на меня, как будто ожидая, что я расскажу подробнее, но потом я беспомощно пожал плечами. Простите, леди, я ничего не смыслю в одежде для девочек. Даже когда у меня была девушка, я никогда не ходил за покупками.

Она бросила на меня взгляд «о, один из этих» и тут же начала болтать с Лиской, водить ее по магазину, чтобы посмотреть на разные ткани, и показывать ей какие-то узоры, нарисованные на странной глянцевой бумаге. Они пришли к какому-то решению, и женщина сказала мне:

— На изготовление уйдет два дня. Пожалуйста, приходите вечером, послезавтра.

— Хорошо, спасибо.

Женщина секунду странно смотрела на меня, затем сделала реверанс и вернулась к своим тканям, явно собираясь начать бурную деятельность, поскольку у нее есть работа. Я никогда раньше не получал должного реверанса — даже если они носят платье, современные девушки понятия не имеют, как делать реверанс.

Заказав новую одежду для Лиски, я повёл ее обратно в сапожную мастерскую и заказываю подходящую обувь. Я выбрал туфли «Мэри Джейн»², которые, похоже, понравились и Лиске, и сапожник измерил ее ноги, а затем сказал, чтобы она пришла через три дня. Поняв, что я так

и не спросил у женщины, сколько будет стоить наряд для Лиски, я решил спросить хотя бы у сапожника, и он ответил:

— Два тарла. Три, если хотите блестящую кожу.

Они могут сделать глянцевую кожу? Лиска будет выглядеть мило в блестящих туфельках. Я хотел глянцевую кожу, и так ему и сказал.

Лиска выглядела слегка обеспокоенной.

— Хозяин? Неужели не страшно покупать такую дорогую обувь для меня? Сандалий будет достаточно.

— Нет, все в порядке. У меня сейчас много денег.

Она все еще выглядела неловко — думаю, она не привыкла к тому, что рабыня может носить красивые вещи. Но я видел пару рабов, которые были одеты в очень модные и дорогие наряды, так что не похоже, что это что-то необычное. Может быть, она просто не считает себя одной из этих дорогих рабынь, или не чувствует, что она этого достойна. Я чувствую, что она этого достойна. Для меня ты элитная рабыня, Лиска. Насколько я понимаю, ты самая высокочеловеческая рабыня. Она просто такая милая.

Усмехнувшись, я легонько коснулся ее подбородка, а затем погладил ее по голове. Она застенчиво улыбнулась в ответ. Хорошая девочка-лисичка. Милая девочка-лисичка!

Прекрати. Она человек, а не твой питомец.

Да какого черта. Я заплатил и купил её, у нее есть лисьи уши и хвост — если я хочу, чтобы она была моим питомцем, значит, она мой питомец.

Хорошая девочка-лисичка!

Я повёл ее обратно в гостиницу, снял поводок и бросил его на стол рядом с ремнями, а она сняла сандалии и аккуратно поставила их у двери. Я снова сел на край кровати, она в свою очередь проскальзнула в ванную, а затем быстро вышла обратно. Теперь, когда она вся чистая и в красивом наряде, она выглядела гораздо бодрее, чем раньше.

— Покажи мне, как ты умеешь писать, — сказал я. Мне нужно было оценить ее грамотность. Не то чтобы я мог читать то, что она пишет, но можно проверить, насколько она привычна к письму. Это знание нужно, чтобы оценить, насколько она будет полезна в обучении меня чтению или письму по-хратчански.

Она подбежала, когда я достал из кармана клочок бумаги — чек с заправки за закуски, которые я купил для похода. Черт, я оставил пакет с картофельными чипсами на столе. Я никогда не смогу их съесть.

Я передал Лиске газету, отодвинул стул от стола и жестом предложил ей сесть. Она села, а потом стала неуверенно оглядываться по сторонам.

— Э, хозяин, у вас есть перо и чернила?

Я достал из кармана пиджака набор держателей для ручек, в которых лежали ручка, механический карандаш и маркер Sharpie. Я достал ручку и протянул ей. Она замешкалась. О, точно. Она никогда раньше не видела шариковую ручку. Да и вообще любую ручку, которую не нужно макать в чернила, если уж на то пошло. Я протянул руку и переместил ее большой палец так, чтобы она нажала на ручку, показывая ей, как это делается. Она щелкнула пару раз, явно не понимая цели.

— Попробуй писать с её помощью.

Она стала водить по бумаге, с удивлением реагируя на появление чернил на бумаге.

— Это невероятно! У хозяина есть такие удивительные вещи! Музыка в деревянной коробке и ручка, которой не нужны чернила!

Деревянная коробка? Ну, я думаю, она не знает, что такое пластик. Может быть, она интерпретировала это как лакированное дерево или что-то в этом роде.

— Попробуй написать «Лиска».

Она очень уверенно написала свое имя, а затем с гордостью показала его мне. Буквы больше похожи на кириллицу, русские буквы, чем на что-то знакомое мне³.

— Теперь напиши «Лиска — девочка-лисичка».

— Девочка-лисичка?

— А как ты себя называешь?

— Я лисица, — сказала она в манере человека, объясняющего очевидное тому, кого она не хочет обидеть, заставив чувствовать себя глупо.

— Хорошо, тогда пиши «Лиска — лисица».

Я все еще буду называть тебя девочкой-лисичкой, моя милая лисица.

Она записала требуемое, все еще удивляясь ручке, и показала мне.

— Хорошая работа. Покажи мне, как написать «Лиска — красивая лисица».

Ее щеки окрасились в розовый оттенок, когда я сказал это, но она подчинилась. Сравнивая это предложение с предыдущим, кажется, что структура предложения здесь соответствовала английской, где прилагательное предшествует существительному. Если только я не читаю всё совершенно неправильно и порядок слов совсем другой. Нет, каждое предложение начинается с её имени, поэтому структура предложения должна быть такой же, как и в английском. Определенно. Может быть. Я запутался.

— Теперь напиши «Лиска слушается своего хозяина».

Она записала предложение и показала мне, выражение ее лица на этот раз было тщательно нейтральным. Хммм. Что это значит? Ей не нравится идея повиноваться мне, или я внезапно напомнил ей, что она должна вести себя наилучшим образом для своего владельца? Или что-то третье, что мне даже не приходит в голову?

— Очень хорошо, — сказал я и погладил ее по голове, чтобы выразить свое удовлетворение. Я забрал у нее ручку и положил ее обратно в пиджак, оставляя чек на столе.

— Ну что, чувствуешь себя лучше теперь, когда ты вся чистая?

Она кивнула.

— Да, большое спасибо, хозяин. Вам не нужно было так поступать.

— Ты мне нравишься — я хочу хорошо о тебе заботиться, — ответил я, наблюдая, как она нервно покраснела и улыбнулась, когда я сказал, что она мне нравится. — Только не забывай заботиться обо мне тоже, хорошо?

Она кивнула, странно глядя на меня.

— Итак, я вчера проделал долгий путь, чтобы добраться сюда, и я все еще устал. Думаю, пришло время вздремнуть.

Я немного преувеличивал правду в части «долгого путешествия», но я действительно устал. Обустройство в другом мире оказалось удивительно напряженным.

Когда я начал стягивать с себя сапоги, я небрежно спросил:

— Не хочешь ли и ты вздремнуть?

— Да, пожалуйста.

— Хорошо. Тогда давай вздремнем.

— Спасибо, хозяин.

Лиска снова стала сворачиваться на ковре, пока я снимал сапоги, вешал куртку на спинку стула и начал снимать штаны.

— Нет, не там.

Она оглянулась на меня через плечо, уши наострились, на её лице было написано недоумение. Я положил штаны на стул, затем проскользнул под шерстяное одеяло и погладил место на кровати рядом с собой.

— Здесь.

Она снова приняла тщательно нейтральное выражение лица, послушно поднялась с пола и села на край кровати, не зная, что делать дальше. Я протянул руку и переложил ее в центр кровати рядом с собой — она оказалось удивительно легкой. Уверен, я мог бы нести ее без проблем.

Она снова начала дрожать, выглядя так, будто вот-вот заплачет. Что ж, было вполне естественно, что она немного напугана в такой ситуации. Не волнуйся, маленькая Лиска, твоя девственность в безопасности.

Пока что.

Я достал игрушку свиньи, забытое у изножья кровати, и протянул ей.

— Я взял его для тебя. Что ты думаешь? Он тебе нравится?

Она слегка кивнула.

— Хорошо. Я рад, что он тебе нравится. Теперь у тебя есть мягкий поросенок, — я нежно поцеловал ее в лоб. — А у меня есть мягкая Лиска.

Я уложил ее спиной к себе, формируя маленькую ложбинку, и обнял ее. Она крепко прижала мистера Пигглсворта к груди, ее хвост был поджат между ног и торчал перед ней. Я опустил голову на свою самонадувающуюся походную подушку и закрыл глаза.

Еще через минуту или около того она, кажется, поверила, что я действительно не собираюсь ничего делать, а только дремлю рядом с ней, и дрожь утихла. Она окончательно расслабилась, и через некоторое время я услышал и почувствовал, как ее дыхание изменилось на дыхание заснувшего человека.

Бедная маленькая Лиска. Ты тоже испытываешь сильный стресс, не так ли.

Прижав к себе мою маленькую лисичку, я позволил себе тоже заснуть.

Примечания

1. Вариза представляет собой сидячую позу, когда ступни вытянуты наружу бедер и туловища. Примерно вот так (только Лиска рыжая, с ушами, хвостом и одета в грязную тунику)

2. [https://en.wikipedia.org/wiki/Mary_Jane_\(shoe\)](https://en.wikipedia.org/wiki/Mary_Jane_(shoe))

3. достаточно примечательный факт, учитывая, что имя «Лиска» — это не адаптация при переводе на русский, её и в оригинале зовут Liska

<http://erolate.com/book/3187/76918>